

— Что за разговор? Разве так разговаривают со старшими? — Старуха Лу нахмурилась, делая вид, что отчитывает его, но глаза её так и норовили заглянуть в корзину за спиной Цзи Жаня.
— Легко ли мне тянуть на себе всё хозяйство? И яйца, и мука — всё это выкроено из последнего. Если чего не хватает, разве я не имею права спросить?

Цзи Жань внутренне усмехнулся, но на лице сохранил серьёзность и кивнул, поддакивая:

— Да уж, несладко вам приходится. Поэтому я и не буду с вами из-за этого скудного пайка препираться. Я сам себе прокормлюсь, заведу своё хозяйство. Давайте жить, не мешая друг другу, в мире и согласии. А вы уж не заглядывайтесь на мою корзинку — там всё добыто тяжким трудом.

— Ты... — Старуха Лу глаза выпучила. — Глава старшей ветви, ты что, из-за утренней перепалки уже на раздел семьи замахиваешься? Пусть ты и женился на нашем сыне, но мужчина всё же! Неужто не найдётся в тебе терпения? В какой семье невестки со свекровью не ссорятся? У второй и третьей невесток, хоть они и бабы, такой мелкой душонки нет. Неужто ты, мужчина, хуже бабы окажешься?

— Ага, угадали. Я, Цзи Жань, именно что мелочен, — ответил он. Будучи мужчиной, он не собирался с ней всерьёз препираться. Сказав это, он с корзиной за спиной обошёл старуху и направился внутрь. — Я мужчина, мне содержания не нужно. Пусть даже ношу вдовье звание, а всё равно мужчина. Неужто мне, как женщине с ножками-лотосами, на шее у других сидеть? Так что, матушка, не пытайся на меня свои бабьи порядки натянуть. Я мужик, мне не страшно. Коль не вмоготу — разводите именем родителей. Я не стану, как баба, в петлю лезть или слёзы лить. Наоборот, стану честным мужиком, женюсь, детей нарожу. Мне-то всё равно. А вы-то осмелитесь против императорской воли пойти, головой рискнуть? Не забывай, брак-то мне император пожаловал.

— Ты... ты... — Старуху Лу эти слова так придушили, что не вымолвить ничего. А возразить-то и нечего — чистая правда. Все они только о том и думали, как бы ртов побольше, а еды поменьше, как бы этого зятя-мужчину поставить на место, а про то, что брак императорский, и забыли. Обычного бы — развелись, и дело с концом. А это ведь император для их Лу Чжэня, пропащего дитятки, брак устроил. Как такого развести — неминуемая беда!

Глядя, как Цзи Жань с полной доверху корзиной уходит, старуха Лу аж сердце от зависти сжалось. Кулаком в грудь себя несколько раз стукнула. Никак не могла понять: императорский брак — так и быть, но на кой ляд мужчину-то подсунули? Это они так от благодарности избавляются или несчастье на семью накликают?

Впрочем, не в том суть. Жалко корзину-то, глядеть-то на неё больно — добра в ней немало, видать!

И не скажешь, что этот тощий, болезненный цыплёнок, которого в паланкине вносили и выносили, в семье Лу дешёвой свадьбой от смерти отмаливали, а он глядь — ожил, окреп, скачет. Думали, дармоедом будет, а он, выходит, способности имеет...

Старуха Лу губу оттопырила, в душе лёгкое раскаяние шевельнулось. Зря, знать, человека задирать стала. Придержала бы его, да в работники бесплатные поставила — тоже хорошо. Лишние руки в хозяйстве всегда к месту, особенно с учёбой младшенького, на чжуаньюаня готовится, — денег куда ни шло потребуется.

Но думает, разделом семьи от всех обязательств отмахнётся? Ха, наивный! Будь ты мужчина или женщина, раз уж в семью Лу вошёл, фамилию нашу носишь — значит, ты наш. Какие бы

резоны ни были, почитание родителей — закон небесный. Нынешний государь на сыновней почтительности страну держит, непочтение — тяжкий грех. Будь ты хоть зять-мужчина, коль родителей не почитаешь — в воду в корзине!

Так размышляя, старуха Лу глазами бегала, да быстро в уме соображение созрело.

Цзи Жань, когда старуху Лу разносил, языком рубил сплеча, потешился. А вот обернувшись и увидев молча идущего рядом Лу Чжэня, вдруг заробел, стал на него искоса поглядывать. Но на лице у того ни единой морщинки не дрогнуло, и не поймёшь — обиделся или нет.

Цзи Жань так в Лу Чжэня и вглядывался, под ноги не смотрел, споткнулся о порог и чуть не шлёпнулся на землю. Хорошо, Лу Чжэнь проворно за руку его подхватил.

— Чего на меня уставился? Под ноги смотри, — вздохнул Лу Чжэнь. — Я не сержусь.

— Хе-хе... — Цзи Жань, видя, что Лу Чжэнь вроде не кривит душой, успокоился, но стало ещё неловче. — Так это я... старуху просто дразнил. В ссоре ведь как — что в голову взбредёт, то и ляпнешь.

— Я и вправду не сержусь, — сказал Лу Чжэнь. Раз уж они в своём дворе и никто не видит, он взял с плеч Цзи Жана корзину, перекинул на себя и зашагал к дому.

Цзи Жань, сбросив ношу, тут же скинул обувь и растёр ушибленные пальцы. Когда боль утихла, бул её обратно и побежал догонять.

— Сложи в боковой комнате, — крикнул он на бегу. — Место надо расчистить, вещи разложить, а потом корзину соседу вернуть.

Лу Чжэнь и без его помощи проворно уголок освободил, дощечку подложил и начал вынимать из корзины вещи.

Цзи Жаню делать было нечего, он стоял и смотрел. Смотрел, смотрел — и всё понял. Говорит, что не сердится, лицо каменное, а внутри, видать, беспокойно. Но стало ясно и другое: Лу Чжэнь — человек замкнутый, неразговорчивый.

Пока Цзи Жань ломал голову, как бы разговорить его, Лу Чжэнь вдруг заговорил сам:

— Это мне извиняться следует. Если бы не я, ты бы мог жениться, детей завести, жизнь нормальную прожить. Не пришлось бы мужчине вдове имя на себя принимать и такое унижение терпеть.

— А? — Цзи Жань опешил, потом смутился. — Э-э... — Не знал, что и ответить.

Но Лу Чжэнь, кажется, и не ждал ответа. Взяв курицу, поднялся. — Пойдём, зажарим. Ты же, поди, с утра ничего не ел?

Курицу он ещё у реки оципал и потрошил, так что теперь дело за малым — на огонь её.

Сказав это, Лу Чжэнь развернулся и пошёл к временной печурке за домом, в сторонке у канавы.

Не сказал бы — не заметил, а как сказал — живот сразу засосало. Цзи Жань человек гордый: с тех пор как старуха Лу устроила сцену и он узнал, что та мука была «уворованная», он к семейному котлу и не подходил. Завтрак пропустил, полдня провозился — давно уже пусто в

брюхе. Не раздумывая, взял он соль да пригоршню промытых грибов и пошёл вслед за Лу Чжэнем.

Положил соль с грибами на камень у печки, сходил за охапкой хвороста — и принялись они разводить огонь, мясо жарить.

На открытом воздухе, конечно, свои плюсы: дымом не пахнет. Да и хоть приправы простые — ни тмина, ни перца, ни кунжутного масла, — зато птица дикая, на воле росла, без всякой химии да гормонов. От одного запаха слюнки текли.

Вот эти двое и наслаждались тихим счастьем, а вот семья Лу, учуяв аромат, покоя не знала.

— Что это так вкусно пахнет? — Лэн Сянлянь, беременная, на запахи особенно падкая, носом поводила, втягивая воздух.

— Курятиной, поди, — сказал Лу Чангэн, тоже носом повёл.

Остальные, кто явно, кто скрытно, реагировали похоже.

И винить их не в чем. Лэн Сянлянь по положению своему — понятно. Остальные же мясо-то раз в год на праздник видят, да и то старуха Лу хозяйка скупая, всё на воде парит, до жиринки не добьёшься. Пока запаха не было — терпели, а как потянуло — слюнки потекли, и унять их никак.

Взрослые ещё как-то сдерживались, а уж ребятня вовсю голосить начала. Особенно младшенький у третьей пары, Лу Цзыцянь, — тот громче всех.

— Папка, мамка, мяса хочу! Курочки хочу!

А старуха Лу в этот раз выдержку проявила, половником орудовала не останавливаясь. Только когда снимала с огня, специально порцию отложила.

— Свекровь, а это зачем откладываешь? — Гао Хуэй у печи сидела, любопытство взяло, спросила.

<http://bllate.org/book/16271/1464278>